

Ю.Ю. ПИОТРОВСКИЙ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Некоторое время тому назад мне предложили быть научным редактором и автором предисловия к данному сборнику, посвященному дольменам Западного Кавказа. Я не долго думал и согласился. Я отдавал себе отчет в том, что предисловие сложнее самого сборника и должно выполнять функцию всеохватывающей, понимающей точки зрения.



ДОЛЬМЕН И ЧЕЛОВЕК: В МИРЕ АРХЕОЛОГИИ И ИЕРОФАНИЙ¹

В начале моей полевой археологической практики, в 1967 году, я участвовал в работе отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Владимира Ивановича Марковина, которого я знал с 1966 года, со времени моей первой экспедиции на Северном Кавказе. Это была первая, после очень продолжительного перерыва, разведка, в задачу которой входило посещение уже известных и поиски новых местонахождений дольменов. Экспедиция была очень трудная, но безусловно интересная, так как мы проехали от Новороссийска до Сухуми и побывали почти на всех известных памятниках на южных и северных склонах Кавказских гор. Проводником по Адыгее был Пшимаф Ауглеев, а по Абхазии — Вадим Бжания. В большинстве случаев нам помогали местные жители, но, главным образом, — лесники. Именно благодаря им наш маленький отряд впервые увидел многие дольмены, которые сегодня широко известны.

Громадное число мегалитов находилось в заброшенном состоянии, и постоянно подвергалось варварским экспериментам человека вооруженного, тяжелой техникой. По рассказам лесников, строители высоковольтных передач, возможно из-за тщеславия, иначе их действия трудно объяснить, демонстрировали «мастерство» и превосходство современных тяжелых бульдозеров над бессловесными каменными сооружениями, иногда на спор, соревнуясь, кто за меньшее количество вздоков быстрее разрушит дольмен.

Тогда был подведен печальный итог варварству современного человека, человека, который строил и боролся за свое социалистическое счастье и ему было наплевать, на свое прошлое, на прошлое других народов, без достижений которых ни его, ни этой техники не было бы на свете. Тем более его не интересовали творения людей, живших тысячи лет назад в этих горах.

В тот год были намечены перспективные археологические комплексы, которые в последующем исследовались экспедицией В.И. Марковина вплоть до 1976 года.

Но и сегодня «среди бесконечного большинства тематического многообразия первобытной археологии трудно найти проблему более универсальную, многоплановую и исторически значимую, чем проблема дольменов — одной из наиболее сложных категорий мегалитических сооружений древности». (Марковин, 1997, с. 3). И хотя проведены обширные исследования, написаны и увидели свет многочисленные статьи и монографии, но нерешенные вопросы остаются, и их придется решать уже следу-

ющим поколениям ученых.

В 1995 году мне повезло увидеть самые известные в мире мегалитические памятники Франции на полуострове Бретань (департаменты Финистер и Морбиан) и в местечке Бугонь (департамент Де Севр). После этой поездки и знакомства с огромной популярной и научной литературой, стало ясно, как мы отстали в изучении дольменов Кавказа, в неумении (или нежелании?) их сохранять для потомков. Но с другой стороны, это была возможность осознать величие мегалитических построек Западного Кавказа.

На протяжении последних десятилетий археологи редко обращались к этим великолепным памятникам. Правда, продолжались работы в ст. Новосободной (Республика Адыгея) (с 1979 года под руководством А.Д. Резепкина); проводились работы в с. Анастасиевка под Туапсе, где исследовалось уникальное мегалитическое сооружение (М.Тешев, В.И. Марковин). Следует отметить раскопки дольменного комплекса около Новороссийска (А.П. Кононенко, А.В. Дмитриев). В последнее десятилетие с 1995 года поисками нового подхода к изучению и сохранению мегалитических памятников регулярно занимается экспедиция ИИМК РАН под руководством В.А. Трифонова.

После долгого перерыва, летом 2000 года, я вновь попал на раскопки мегалитов на Западном Кавказе. Ситуация за последние тридцать с лишним лет изменилась кардинально. Пункт работы экспедиции ИИМК РАН (начальник В.А. Трифонов) — группа дольменов у тихого заповедного места Жане — стал одним из посещаемых туристических объектов региона. Иногда на площадке перед памятниками одновременно находилось до 5 экскурсионных групп (150-200 человек), а внизу по ущелью слышался гул — это подходили следующие группы экскурсантов, которых не смущала даже дорога в несколько километров, так как экскурсионные автобусы в ущелье не пускают.

Что это? Наконец-то появилась хорошая реклама исторических объектов, к которым устремляются сотни любителей памятников прошлого? Или это результат знакомства с умной, увлекательной и грамотной книгой доходчиво рассказывающей о прошлом этого края и об этих великолепных погребальных памятниках наших предков, побуждающей все бросить и устремиться к их познанию? К сожалению, ни то, ни другое...

Хотя, по моему твердому убеждению побудительный мотив все же был, некий толчок к дальнейшему развитию событий — это начало работ экспедиции, восстановление и, самое главное, превращение этих трех сооружений в полноценный туристический объект (для этого был проведен огромный объем работ, начиная с расчистки площадки и памятников от деревьев).

¹ — Иерофания — (греч. hieros — священный, phano — являть, показывать) — проявление, манифестация священного, сакрального в жизни сообщества, человека.

Ну, а дальше, это повальное поклонение дольменам с приношением цветов (люди рассказывают о том, что их зовут дольменами), ночевки у сооружений, организации экскурсий — все это результат талантливой работы группы «Исследовательского центра Анастасия» в Москве. Этот центр возник 19 марта 1997 года. К настоящему времени выпущена целая серия книг «Звенищие Кедры России», существуют и образуются новые региональные отделения и объединения в России и даже в Канаде (Торонто). (!)

А началось все с первой книги никому неизвестного автора Владимира Мегре «Анастасия». Правда, сейчас их уже несколько и выпускаются они повторными тиражами до 50 000 экземпляров и распространяются по всей России: их можно встретить и на лотках, и на прилавках серьезных магазинов. Что же это за волшебные книги, которые так увлекают читающее население России, а главное побуждают к действиям.

Книги В. Мегре рассказывают о сибирском кедре, о его полезности, об особом состоянии этого дерева — звенищем кедре. Но это не главное, на прилавках так много книг о спасении здоровья человека нетрадиционными методами. Эти книги рассказывают о необыкновенной женщине, Анастасии — обладающей даром прорадителей и знаниями первоисточков. Именно эта ведунья — «молодая женщина, живущая отшельницей в глухой сибирской тайге» и никогда не покидавшая эти края, рассказала автору о дольменах Кавказа, о городе Геленджик, святыни окрестностей которого «более значимы, чем пирамиды Египта и храмы Иерусалима». «Это было столь невероятно и фантастично, — пишет В. Мегре, — что я решил туда поехать и убедиться в достоверности его сказанного. Все подтвердилось» (Мегре, 1, 1997, с. 178).

Удивило автора и другое. Оказалось, человек, живший в глубокой древности на Земле, не был умственно отсталым, а обладал способностями, позволявшими ему быть «неизменно умнее пещерного человека». Оказывается, «люди первоисточков имели возможность ... пользоваться всей информационной базой данных, заполняющей Вселенную; и автор этой информации — Великий Интеллект — Бог». Оказывается, эта информация «столь грандиозна, что способна ответить на любой вопрос ... и ответ возникает мгновенно в подсознании на тот вопрос, на который искал человек» (Мегре, 2, 1999, с. 201).

В конечном счете, люди, не от хорошей жизни, стали десять тысяч лет назад строить специальные сооружения из тяжелых каменных плит. ... В эти камеры — гробницы — дольмены и уходили живыми люди, не утратившие способность пользоваться мудростью Вселенной. Оставшаяся в живых и рожденные даже че-

рез тысячу лет, могли подойти к ним и получить ответ на тот вопрос, который интересовал человека. Для этого нужно было сесть у камеры, задумать. Иногда ответ приходил сразу, иногда позднее. Но обязательно приходил (Мегре, 1999, с. 204). Дольмены — информационный примык, прообраз египетских пирамид. Восьмое чудо света, обладают колоссальной силой, объясняют, которой нет, хранилище древних знаний, памятник мудрости и вселенскому самопожертвованию духа и т.д. И, самое главное, — эти знания, мудрость Вселенной полностью утрачены сегодня. Единственная надежда вернуть их — дольмены.

Если прийти к дольмену или даже достаточно долго рассматривать его фотографию — информационный отпечаток, то «их вибрации, даже на фотографии, создают и активизируют поля, помогающие человеку найти выход из различных ситуаций, понять причину сегодняшних недугов, болезней, стать мудрее, найти свой путь к Божественной Гармонии. ... Задав вопрос, послушайте в себе ответ. Он может показаться абсурдным и не сразу примется Вами, но он обязательно будет. Ответ лучше записать, чтобы потом обдумать его, понять, осознать... Одно непрелюбо условие работы с дольменами — чистота мыслей. Светлые чувства должны обязательно усиливаться. (Как работать с дольменами).

Учитывая спрос, заработала представительская индустрия—издаются книги (причем, в тексте заложены сочетания букв и комбинации слов, блоготворно влияющие на человека) (Мегре, 1997 г., 1999 г., 1999 г.), сборники (Дольмены, 1999 г.), альбомы (Путь дольмена, 1999), буклеты (Дмитриев Дм., 2000 г.), организуются экскурсии, экспедиции, международные научно-практические конференции? существует сайт в Интернете.

В 1997 году группой из центра « Анастасия » были даны дольменам личные имена, пока только в ограниченном районе: Год, Инф, Тор, Мая, Пол, Дух, Хан, Мин, Лит.

Прямо у дольменов можно купить модели дольменов из глины, лечебную глину, разнообразные книги. Среди них книга, в которой записаны стихотворные послания духов людей, уходивших в дольмены около 10 тысяч лет назад, которые надо читать вслух, лучше в тишине под естественные звуки природы (Радней, 1999). Апофеозом всех подобных изданий явилась небольшая первая и единственная книжечка-репортаж «Центра теантропологии (богочеловеческой мудрости) Мейбус» которая рассказывает об историческом объекте не с позиций археолога, исследователя которого создаются на логических умозаключениях индивидуального и дедуктивного

методов, строящихся на основе найденных предметов, а методом прорицания» (Мастер, 1999). На основе этой «методики» (в овладевший ею, «восстину заслужил право называться человеком, для остальных же — это имя заочно») коллектив клуба пришел к религии, но не к какому-то одному религиозному направлению. Они считают, что «мозг является центром божественного мира». Уже некоторое время спустя, были получены знания, привнесшие нечто новое в герметическую философию... (Мастер, 1999 г., с. 8).

Результатом работы с Гузерипльским дольменом явилась «беседа» со старцем-отшельником Феофаном православной веры, ушедшим в этот дольмен в 1762 году и рассказавшем, что этот дольмен был создан до Рождества Христова, во времена язычества, в VI веке до н.э. и служил, и это основное назначение, в качестве чистилища; места, откуда древние люди могли общаться с высшими силами, с предками. Было определено даже время, когда древние выходили на контакт (по средам и пятницам) (Мастер, 1999 г., с. 13, 17, 18).

Впервые увидев поклоняющихся и столкнутых с объемом и качеством издаваемой литературы, хотелось вслед за Мерабом Мамардашвили воскликнуть: «Жало дикости в сердце — как 200 лет назад. Моральное и культурное одичание. Такое ощущение, будто каждый раз оказываешься в самой середине чужого бреда, будто просыпаешься в чужом бреду.» (Мамардашвили, 1991 г., с. 171, 180).

Но все же это явление другого характера: «...во времена общественных бедствий люди, потрясенные своими невзгодами, отдаются во власть суеверий и пытаются искать в небесных знаменьях причину и предвещие обрушившихся на них несчастий» (Монтень, 1997, с.40).

Я надеюсь, оценка этого сложнейшего явления, проявлений иерофании еще будет темой специальных работ. В археологической литературе уже появились первые отклики (Марковин, 2000). Но они не достаточны и поэтому мне хотелось коснуться нескольких вопросов и аспектов, но учитывая, что религиозное явление может быть воспринято в своем подлинном существе, только если подходить исследователя адекватен исследуемому явлению, подходить к нему с религиозным же мерилом» (Зябиде, 1999 г., с. 10).

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на литературную основу этой иерофании (или литературное обоснование).

Все книги В. Мегре принадлежат скорее всего все же к фольклору и «привлекают необычностью своего повествования, несоответствием действительности, выдумка как таковая доставляет особое наслаждение» (Пропп, 1976 г., с. 87). В.Я.Пропп определяет и его жанр: «Языческие представления о мифических существах и людях, наделяемых сверхъестественными способностями, отразились в жанре, который народ называет словом «были», «былишки», «бывальщина»... В большинстве случаев

это рассказы страшные: о леших, русалках, домовых, мертвецах, привидениях, заклятых кладках... о чертях, об оборотнях, ведьмах, колдунах, знахарях» (Пропп, 1976 г., с. 51). С другой стороны в этих произведениях можно проследить элементы бытовой сказки — невероятность, несвязность событий, отсутствие общего представления о времени, наличие эмпирического пространства, т.е. того пространства, которое в момент действия окружает героя, сказочное отношение героев к животным и животным к героям. И, наконец, даже имя - Анастасия - очень распространено в этих жанрах. (Пропп, 1976 г., с. 88-99).

Появление этого нового религиозного движения, а в этом нет никакого сомнения, так как оно имеет все признаки религиозного, находит свое объяснение в современном мире(см. Макдаул, Шоарт, 1993). Тем более что «распространение в России новых религий, новых религиозных движений связывается с явлениями характерными для стран западного мира два-три десятилетия тому назад и получивших название религиозно-мистической волны ... Эти удивительные явления называют иногда религиозным калейдоскопом за свойственное новым религиям чрезвычайное разнообразие вероучений, образов, и форм организации» (Балагушин, 2000 г., с. 3).

Оценивая сегодняшнюю ситуацию, часто подчеркивают, что в первую очередь «все это вполне естественно для нового общества» декларирующего демократическую модель развития и в котором понятие религия, религиозные искания, религиозные ценности — в современном российском сознании не звучат так враждебно, как десять — пятнадцать лет тому назад, когда доминирующая и нормативная коммунистическая идеология была решительно атеистичной» (Баркер, 1997 г., с. 9). Люди постсоветского общества попали в «чужое» общество, где столкнулись с новыми трудностями, ощущением беспомощности и дезориентированности. Это явление в культуре именуется культурным шоком, суть которого заключается в конфликте старых и новых культурных норм и ориентаций. (Ионин, 1995, с. 7,8). Один из способов разрешения конфликта - отгораживание от влияния «инокультурной среды». И здесь особое значение имеют различные иерофании.

Успех проповедников новых религиозных движений стал возможен и в силу практически полной религиозной безграмотности общества и обусловлен эффектом погружения новичка в мир особого тепла и забот, в тесную общину, в «семью», в ту атмосферу, которой, как правило, человек сегодня лишен. А неудовлетворенность реальной жизнью и неспособность найти в ней свое место является мотивом увлечения, жадной экзотики, своего рода эмиграция в экзотику (Баркер, 1997 г., с. 30).

Характерными особенностями для новых религиозных движений являются, прежде всего: экзотическое происхождение, новый культурный стиль жизни, харизматичный лидер, необычность, при-

— В рамках научно-практической конференции был устроен день предпринимателя, в плане которого значилось проведение практического семинара с 15:20 до 20:00 часов по теме «Возрождение производства в России» у дольмена Управления, помогающего в реализации производственных вопросов, принятию мудрых производственных решений.



влекаящая внимание. Последователями их являются преимущественно молодые люди или люди среднего возраста из образованных и, часто, обеспеченных слоев общества. Причем, харизматические (надленные авторитетом) лидеры непредсказуемы, не связаны ни традицией, ни правилами, не подотчетны никому. И признавая за своим лидером харизматическую власть, члены движения признают законность его права диктовать им правила жизни (Баркер, 2000 г., с. 5). Что и происходит в действительности.

Увлечение неоязычеством связано с упованием на развитие собственных сил и возможностей человека и обретение им благодаря этому жизненного успеха «спасения». (Балагушкин, 2000 г., с. 23).

Дэвид Юм заметил: «Всаким, принимающим Веру, движет осознание продолжающегося чуда в своей личности, которое ниспровергает все принципы его понимания и дает ему решимость верить в то, что противоречит его привычному опыту». Любому, обращающемуся к вере ... достаточно просто сказать: «Я верю, потому что я верю». (Куртц, 1999 г., с. 112).

Теперь еще об одной детали происходящего — о «мистическом опыте» или «мистическом сознании». «В течение всей языческой эпохи, как и в последующих проявлениях язычества, для религиозного сознания имела огромное значение так называемая мистика. Ничто не производит на человека такого сильного впечатления, как таинственное и непонятное». (Тихомиров, 2000 г., с. 68).

По мнению большинства исследователей, классической мистикой встречается крайне редко. Великие ученые, посвятившие огромное количество времени изучению этих феноменов, признавались, что у них никогда не было подобного опыта. А В.Стейн подсчитал, что существовало только около 100 хорошо известных христианских мистиков. (Куртц, 1999 г., с. 122).

Верующий принимает достоверность мистического опыта и часто не знает и не догадывается даже об альтернативных объяснениях этого состояния. (Куртц, 1999 г., с. 127).

Согласно мистике, прямая дорога достижения желаемого состояния — это обращение внутрь себя посредством созерцания и медитации. Это можно начинать с пения мантр, повторения молитв, концентрации на одном объекте или переживании. (Куртц, 1999 г., с. 128).

Среди этих представлений можно усмотреть и элементы спиритизма, исходной точкой которого является представление о том, что люди не умирают окончательно, и что с умершими можно общаться через специально отобранных людей. (Куртц, 1999 г., с. 374).

История человечества полна верований в духов, но интересно то, что человечество регулярно возвращается к ним, возрождает эти верования.

«Мир опять кишит различными и могущественными бестелесными, духовными существами. Люди опять смело утверждают, что эти бестелесные суще-

ства прямо влияют на мысль и материю. Мы как будто возвращаемся к временам, когда естествознание еще было бессильно изгнать этих духов и их влияние из системы природы». Так писал Тайлор в 1971 году. (Тайлор, 1989 г., с. 110). Исследователь констатировал возвращение фетишизма и анимизма, в «расказы о привидениях, где души умерших ходят и вступают в общение с живыми людьми, теперь снова восстановлены и передаются с новыми подробностями...». (Тайлор, 1989 г., с. 111).

Мы и сегодня вынуждены признать намекающийся возврат от научной культуры к религиозной.

Нет никакой гарантии, что наука, расширяя наш кругозор, может устранить или вытеснить на периферию старые верования и не допустить всплеска новых, неожиданно мощных и небывало иррациональных.

«Можно только предполагать, что разумный скептицизм может сыграть важную роль в дискредитации претенциозных суждений религий или паранормальных верований. Это не слишком амбициозное предположение, тем более что оно не предопределяет никаких результатов. Критический скептицизм необходим разуму. Он может служить некоей терапией против обострения трансцендентного (недоступного познанию) искушения, некоторым иммунитетом против будущих религиозных эпидемий». (Куртц, 1999 г., с. 578).

Если бы дело заключалось только в новом религиозном движении, то, попытавшись выявить причины его появления и обозначив некоторые исторические параллели, мы не вправе были бы доводить обсуждение этой проблемы до абсурда, «нам, как и всему нашему времени, претит пустая раздражительность и аффектированность. Во всем нужно быть только самим собой, без суеты, без преувеличенной — не воздвига на носу корабля собственной статуи». (Ортега-и-Гассет, 1991 г., с. 95).

Но последние двадцать лет происходят процессы, которые вылились в полное отрицание гуманитарных наук. Может показаться странным, но науку надо защищать, так как многие люди не имеют никакого представления о науке, ее методах. Раньше только религия отличалась неизменным неприятием на ученых открытий... Теперь искушение обойти науку на пути к знаниям велико, и уметь обойти без науки — это современная форма чуда. (Легг, 1988 г., с. 36-38). Так основатели «новой хронологии» академики А.Т. Фоменко и его сторонники демонстрируют всем заинтересованным историей, что «король — голый» (Гуц, 2000 г.) и считают, что «созданная окончательно в XVI-XVII веках и общепринятая сегодня хронология и история древнего и средневекового мира, по-видимому, неверна», и пытаются «восстановить правильную хронологию и историю древности методами естественных наук и надеются, что находимся на последнем этапе долгого пути». (Носовский, Фоменко, с. 20). Последователи этих ученых уже считают хорошим тоном говорить о себе, как об авторах, книги

которые впервые совершают попытку дать совершенную объективную картину непростой, неосознанной истории. Позиция «стороннего недоверчивого наблюдателя», который, с одной стороны готов поверить профессионалам-историкам, но, с другой стороны, его смущает само слово «вера», и поэтому он старается перепроверять все то, о чем говорят и на что ссылаются эти профессионалы. Часто такая позиция «исследователя-критика» приводит к тому, что, по его мнению, например, «красочные картины истории России, предлагаемые профессионалами, при ближайшем и придирчивом их рассмотрении подчас походят на грубую мазю...». (Гуц, 2000 г., с. 12). И вообще, «история не есть наука; наука не основывается на вере». (Гуц, 2000 г., с. 51).

Система сознания по озарению, которая проявляется в первую очередь как неприязнь к научному методу, доступна всем. Следствием этого является постоянная ревизия истории. Поэтому все авторы книг, посвященных новому культу, считают своим долгом поставить под сомнение достижения археологии. Вот наиболее характерные выдержки, употребляемые в этих книгах: «На все вопросы ответов нет. У ученых больше предположений, чем данных. Оказывается, долмены такая же тайна человечества, как и долы острова Пасхи и древние пирамиды Египта». «У дольменов много загадок. Малочисленность письменных источников об их прошлом придает особую ценность этим памятникам, и любые догадки, озарения и открытия сыграют бесценную роль в проникновении к их тайнам и разгадкам. Эти интуитивные исследователи могут быть более значимы, чем научные изобретения». (Дольмены, 1999 г., с. 13); «Серьезные исследователи дольменами не занимаются»; «Ученые-археологи стали вскрывать долмены в поисках подтверждений своих гипотез». (Дольмены, 1999 г., с. 5, 13); «Ученые, исследователи, археологи большие интересовались размерами самого долмена, удивлялись и пытались определить, как был обработан и воздвигнут многотонные плиты»; «Современные исследователи большое внимание уделяли способу их строительства, но так и не смогли его разгадать»; «Вообще долмены являются загадкой и тайной, как для археологов, так и для антологов. Назначение дольменов ... будет продолжат оставаться тайной за семью печатями до тех пор, пока ученый будет пребывать в догматическом табу материалистического суждения о мироустройстве». (Мастер, 1999 г.).

«Не обязательно копать,
чтобы тайны о Земле узнать.
Ты в медитации своей пройди до недр
и Знания пей» (Радней, 2000 г., с. 100)

И, наконец, крик души: «Но где же Вы, герои, кому по силам понять тайну камня сого? Сейчас тысячи людей устремились к древним тайнам Земли — дольменам, на Западный Кавказ. В этих местах Земля видит и слышит каждого из нас. И поэтому

приходить сюда желательно, как во храм». (Дмитриев Дм., 2000 г., с. 15).

Давно было замечено, что «штатские люди любят судить о предметах военных, даже фельдмаршальских, а люди с инженерным образованием судят больше о философии и политической экономике» (Ф.М.Достоевский).

И дело не только в том, что историки и археологи не приемлют критику, часто они сами подбрасывают «загадочные» материалы или фантастические идеи. Дело в том, что «главным камнем претяжения на пути общения ученых с людьми ненаучных профессий не терминологии ..., а в разной оценке достоверности фактов и в разном понимании задач и методов науки». (Мигдал, 1983 г., с. 6).

У науки имеется огромный недостаток: она построена последовательно. Научный метод — это исторический результат длительной практики и осмысления этой критики. И если стремление к таинственному, необычному, жажда чуда заложена в природе человека, то задача науки — отбирать более правдоподобные объяснения и поддерживать их до тех пор, пока опыт не заставит от них отказаться. (Мигдал, 1983 г., с. 14, 19). Это познавательно-психологический барьер, который необходим для развития научной мысли. (Б. Кидов).

Трудно сказать точнее о некоторых принципах научного метода, чем Аркадий Бенедиктович Мигдал: «Научный подход начинается с определения границ области, которая включает достижения науки, не вызывающие сомнений, и границ области невозможного, того, что противоречит многолетнему научному опыту... Различия научного и житейского подходов особенно отчетливо проявляется при проведении границ достоверного и невозможного... Наука не только устанавливает границы возможного, но и безжалостно отделяет догадки... от доказательных утверждений. Если бы не это оградительное правило, наука потонула бы в море суеверий и шатких предположений... Огорчительно, когда люди, не имеющие к науке прямого отношения, не только берутся судить о вещах, требующих профессиональных навыков мышления, но и надеются, минуя стадию обучения, совершить переворот в науке...» (Мигдал, 1983 г., с. 8, 12, 21-22).

Помимо этого, есть и определенные правила, которым следуют в науке, на то она и наука. «Обращаясь к вещественным древностям, исследователь наталкивается на двойной разрыв: в традициях (между далеким прошлым и нашим временем) и в объективации, т.е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). Этот двойной разрыв — главная специфика археологических источников... оба разрыва вместе, в сочетании ... приводят к радикальной изоляции ученого от прошлой действительности, к сокрушительному раздроблению ценного, подчас к полной утрате смысла информации ... и нужна строгая и надежная методика использования этих

знаний для восстановления утерянного смысла. Вот почему только двойной разрыв требует выделения характеризуемых им источников в особую категорию и создание особой науки для их изучения — археологии». (Клейн, 1995 г., с.116-118). Нет надобности говорить об археологических фактах — мегалитических постройках, их раскопках и прочих вопросах, изучению которых посвящены многие и многие труды исследователей.

И в изучении иерофаней есть свои методические трудности, но есть и методика овладения этим материалом.

И надо всегда учитывать, что одно из важнейших различий между человеком архаической культуры и современным человеком заключается в неспособности последнего проживать свою органическую жизнь как таинство. Для современного человека это всего лишь физиологические акты, когда как для человека архаической культуры они суть таинства, ритуалы, служащие в качестве средств коммуникации с той силой, которую представляет сама жизнь. (Элиаде, 2000 г., с. 45).

Но «не существует чисто религиозного явления, ни одно явление не может быть единственным и исключительно религиозным. Будучи принадлежностью человеческого мира, религия в силу этого обстоятельства есть с неизбежностью нечто социальное, нечто языковое, нечто экономическое — человек не мыслит вне языка или общества». (Элиаде, 2000 г., с. 10). И нам интереснее стремиться к познанию логики и величин древних концепций мира, характера поведения людей древних обществ, их символов и религиозных систем. (Элиаде, 1994 г., с. 14).

И здесь уместно вернуться к термину, вынесенному в название статьи. «Термин иерофаня удобен, прежде всего, тем, что не содержит никакого дополнительного значения, выражая лишь то, что заключено в нем этимологически, то есть нечто священное, предстающее перед нами. Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных священных реальностей». (Элиаде, 1994 г., с. 17).

Совокупность материала, который можно назвать религиозным явлением — это многообразная, по существу хаотичная масса действий, верований и воззрений.

И здесь исследователя, историка религии ожидают методические трудности «предприятие историка религии представляет много более дерзким, чем то, что делает любой другой историк ... Он должен не только проследить историю некоторой иерофаньи (ритуала, мифа, божества или культа), но в первую очередь понять и сделать понятной модальность сакрального, раскрываемую этой иерофаней». (Элиаде, 2000 г., с. 21).

Пожалуй, сейчас можно наметить очень важные положения, дающие возможность в дальнейшем подойти к этой проблеме с научной точки зрения. Эти положения четко сформулировал М.Элиаде. «... Можно с уверенностью утверждать: все, что человек когда-

да-либо держал в руках, ощущал, встречал на своем пути или любил, могло стать иерофаней ... Равным образом можно утверждать, что все занятия, ремесла, производства, технологии имели сакральное происхождение, либо же приобретали культовое значение с течением времени... Мы всегда обнаруживаем определенные камни, служащие объектом поклонения в силу своей формы, своих размеров или своих ритуальных функций ... но речь не идет о поклонении самим камням; сакральные камни почитаются лишь в той мере, в какой они суть не просто камни, но иерофаня, то есть нечто иное, чем их обычное «вещное» состояние.

Предмет становится сакральным в той мере, в какой он воплощает (открывает) нечто иное, нежели он сам. ... Следует подчеркнуть то, что иерофаня предполагает избрание, четкое отделение иерофанического объекта от всего остального, «что его окружает». (Элиаде, 2000 г., с. 27-29).

Исследователь собрал и все случаи проявления священной ценности камней для людей (Элиаде, 2000 г., с. 208-227), и это дает возможность в дальнейшем рассмотреть наши мегалитические памятники с этой точки зрения.

Что мы знаем о почитании дольменов на Кавказе, и обладаем ли мы данными, позволяющими нам представить всю историю развития иерофаньи мегалитов. Для западной Европы веки этого пути проследены, а нам же еще предстоит их пройти.

Западноевропейские мегалитические сооружения появились в V тысячелетии до н.э. Их строительство продолжалось до I тысячелетия до н.э. Мы знаем местонахождения, например, во Франции (Бугонь, департамент Де Севр), в которых мегалиты разных типов возводились на одной территории на протяжении по меньшей мере 2 тысячелетий. Однако, скорее всего, в последующие века на этих территориях мегалитические сооружения не строились, но сведения об их использовании тем или иным образом от железного века до средневековья в настоящее время имеются. Судьба этих сооружений на протяжении последних тысячелетий была разной: от полного забвения и утраты, некоего вычеркивания из наследия, до музейфикации отдельных памятников сначала в XIX веке (деятельность первого инспектора Исторических Документов Проспера Мериме), а потом уже в конце XX века, вплоть до строительства музеев и создания археологических парков как в Бугони (Франция). Антенные авторы — Дидор Сицилийский, Плиний, Юлий Цезарь — упоминают о друидах, об одном из классов людей в Галлии пользовавшихся большим почетом. Друидов считали священнослужителями и колдунами у кельтов и приписывали им строительство каменных сооружений в Британии и Галлии. Однако о конкретных памятниках греческие и римские авторы не упоминают. Впоследствии уже средневековые авторы, легендарные и существовавшие в действительности, окутали эти каменные сооружения туманом до-

гадок и легенд, «придумывая» заново их историю, приписывая «камни дивной величины» к чудесам.

В 601 году папа Григорий I в письме к Святому Августину настаивал на том, чтобы «языческие храмы» не разрушались, а были бы найдены, очищены и превращены в церкви. И христианские священники, и миссионеры проявляли терпимость к доисторическим мегалитам и проводили косвенную ассимиляцию памятников различными способами. (Briard, 1997 г., pp. 100-111; Giot, 1994 г., pp. 62-63). Часто на мегалитах гравировались кресты или другие христианские символы или они сами превращались в каменные кресты. Во Франции следы христианизации мегалитов сохранились в Saint Uzes и других местах, где гранитный блок высотой 8 м превращен в каменный крест, а в верхней его части — изображение светил, христианских символов. (Briard, 1991 г., p. 61; Briard 1997 г., p. 109; Mohen, 1998 г., p. 167). Описание сооружения мегалитического памятника приводит один из великих создателей европейской литературы XVI века Франсуа Рабле: «Ланггарюэль поехал учиться в Пуатье и показал большие успехи ... Он заметил, что когда у школьников выпадают свободные часы, то они не знают, чем себя занять, и ему стало их жалко, и вот как-то раз отломил он от громадной скалы, которая называется Пасмурден, огромный камень ... и без труда установил его среди поля на четырех столбах, дабы школяры, когда им нечего делать ... устраивали себе пир и ножичком вырезали на камне свои имена, и камень так с той поры и зовется Поднятым камнем». (Рабле, 1961 г., с.171).

В других случаях, особенно в XVI - XVIII веках отмечается использование территорий, на которых расположены мегалитические гробницы, или самих каменных сооружений в структуре церковного христианского здания. Такие примеры есть во Франции и в Португалии. (Giot, 1994 г., p. 62; Oliveira и др., 1997 г.).

Из всех сооружений в Европе наибольшую известность получил Стоунхендж. Он стал символом всех мегалитических сооружений. Многие поэты и писатели, любившие и стоявшие у древних камней, записывали впоследствии свои мысли. Для многих эти камни были абсолютной и непонятной тайной, как для «совершенного джентльмена Возрождения» сэра Филмпа Сиднея:

Близ Уилтона каменной прекрасных гряд,
Но этот хаос глаз не в силах снести,
Не постигает разум, как принести
Их мог в сей край равнинный, и откуда ...
Особенно много впечатлений о Стоунхендже записано в XVIII веке. (Хоккинс, Уайт, 1984 г., с. 207).

В конце XIX века Томас Харди увидел в загадочном храме-гробнице символ рока — тайну, любовь, искушение, смерть ... Клар увидел какое-то гигантское строение, поднимающееся среди равнины...
— Что это за странное место? - воскликнул Энджел ...

... Тасс и Клар убедились, что находятся в лесу из монолитов, возвышающихся среди покрытой травой

равнины. Войдя в эту обитель ночи, они остановились.
— Это Стоунхендж! - воскликнул Клар
— Языческий храм?

— Да. Он древнее столетий. ...» (Томас Харди. Тасс из рода д'Эрбервилей)

Уже в конце XX века к мистически прекрасному памятнику вернулся Роман Полански в фильме «Тасс».

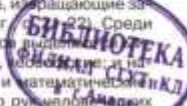
Самое проникновенное описание создал Генри Джейм. В его эпоху Стоунхендж был «довольно привлекательным объектом попомнения праздных зевак», где устраивались пикники и совершались «возлияния пивом на месте грозных алтарей». Но «величественную тайну этого места еще не удалось оплошать ... и если вы склонны думать, что жизнь неглубока и мы скоро доберемся до основы всего сущего, эти древние серые столпы напомнят Вам о неизмеримой глубине Времени». (Хоккинс, Уайт, 1984 г., с. 212-213).

Вокруг Стоунхенджа сплетались самые разные теории рисовавшие его назначение. Стоунхендж — памятник предательски убитым воинам ... дворец сверных владык ... камень древних богов? Буддийское святилище ... друидический алтарь ... круг для поедков ... замок королевы? Сигнал с земли небесам? Кладбище ... суд ... больница ... рынок ... скотный двор? Хранилище неведомых тайн погибшей Атлантиды? Храм ... место поклонения змеям или духам ... вход в царство мертвых? (Хоккинс, Уайт, 1984 г., с. 210).

Европа пережила да и сейчас переживает мегалитоманию. И интересно то, что Стоунхендж, выбрав, пожалуй, центральным и почти единственным для многочисленных построений и идей. Эти явления сродни пирамидомании, в которой Великая пирамида, также избранная главным объектом. И сегодня Великая пирамида и Стоунхендж пересеклись в околонулевой литературе. (Фарлонг Д. Стоунхендж и пирамиды Египта. Ключи от храма. М., 1999)

Именно пример египетских пирамид демонстрирует суть ситуации. У писателей и историков древности не возникло сомнений в том, что пирамиды сооружались для того, чтобы служить гробницами фараонов. Только в середине XVIII века отмечаются установившиеся толкования и создаются новые, в высшей степени фантастические теории. (Лауэр, 1966 г., с. 133).

Под видом раскрытия так называемых секретов пирамид, в которых якобы запечатлены тайные познания древних египтян или каких-либо никогда не существовавших народов (эта в высшей степени ситуация схожая с нашими кавказскими дольменами), авторы подобных «изысканий» со всеми анимизми атрибутами научных трудов ... преподносят читателям заумные и лживые домыслы, совершенно искажающие историю человечества, искажающие законы его развития. (Лауэр, 1966 г., с. 132). Среди огромного числа идей и домыслов выделяются исторические теории — библейские, мифологические, научные теории: астрономические и календарные от сомнений в том, что это дело рук человека.



ст 14842

до сейфов для сокровищ фараонов.

Появилась псевдонаучная дисциплина, получившая название у египтологов «пирамидиотизм» или «пирамидомания». Сторонников этих идей объединяет, прежде всего, (как это похоже на нашу ситуацию) высокомерное отношение к египтологии и пренебрежение к ее «приземленным данным». (Замаровский, 1986 г., с. 349-350).

Короли и духовенство в средние века запрещали культ камней, но и сегодня можно проследить среди народных верований Европы едва заметные следы почитания мегалитов. А религиозная революция обращения Европы в христианство разрушила всю перебитую систему, сохраняющую церемониал по отношению к камням. (Элиаде, 1999 г.).

Но в конце XIX века английский врач Уильям Прайс открыто заявил о возрождении ритуала друидов. Друиды разжигали костры и вели вокруг них хореводы в честь солнца, которое, как они верили, вставало из гроба. Считается, что друиды были самыми загадочными магами и оказывали влияние на другие тайные общества и секты.

«Современные друиды» регулярно съезжаются со всего мира в Стоунхендж. Международное общество друидов насчитывает около 5 миллионов человек. Один из центров находится во Франции, в Бретани.

На Кавказе мы не имеем подобной традиции. Очень долго эти территории оставались недоступными для европейцев и русских исследователей.

Только в эпических сказаниях сохранились немногие свидетельства о каменных сооружениях. Черкесы заставили своих богатырей-героев нартов строить каменные «дома», по сказаниям горцев, одновременно с нартами-великанами жили крошечные люди-карлики, слабые и беспомощные, ездившие верхом на зайцах. Черкесы называли дольмены — дома карликов — «ислуны». «Ислы известны нартам древнеазнатского эпоса. Так мать одного из центральных героев Патараза — карлица Исл-Гуаше. Она впервые подсказала нартам форму серпа». (Гадагаты, 1997 г., с. 158). В абхазском варианте эпоса фигурируют аданы, населявшие современную территорию Абхазии. Они были настолько малорослы, что лазали по папоротникам, чтобы рубить их ветки. Один из героев эпоса встречается с аданом-карликом, который поражает его невиданной силой. (Джагыла, 1995 г., с. 107).

Практически только в конце XVIII и начале XIX века появляются первые сведения, которыми мы сегодня располагаем.

Верования коренных жителей Западного Кавказа интересовали всех путешественников и исследователей. Мы можем реконструировать некую общую картину, характерную для начала XIX века.

Точное представление о религии трудно составить: у одних находят остатки христианства, у других — следы язычества. Ислам не коснулся большей части черкесского народа, особенно жителей морского

побережья от Геленджика до мыса Хизе. Для языческих верований адыгов характерно многобожие, вера в загробную жизнь. (Адыгея, 1989 г., с. 66; Культура адыгов, 1993 г., с. 218).

Горные черкесы ... являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам и другим деревьям, где ... живут какие-то невидимые божества способные исполнять их мирские просьбы. Священные рощи, к которым никто не смел прикасаться, заменяли храмы, были местом для моления; в святость таких рощ и лесов, в их чудесную силу черкесы верили чистосердечно. (Культура адыгов, 1993 г., с. 216-217).

Каждый округ Черкесии имеет особое священное место, находящееся обыкновенно в лесу, где предметом поклонения служит большое дерево. Такое дерево черкесы называют пенекассан... (Кладбище, заросшие кустарником - Азаматова, 1997 г., с. 67). В этом же лесу хоронят мертвых и совершают обряды. (Культура адыгов, 1993 г., с. 218).

Иногда среди святилищ упоминаются скалы, «могилы святых». Очень редко встречаются описания камней, которые находятся в священных рощах, но именно они дают возможность говорить, возможно, об использовании в ритуалах мегалитов, у шапсугов есть роща под названием - каменный стол. «Большая дубовая роща - одинокая скала, расщепленная пополам, у подножия течет родник. Возле источника вырос большой дуб, под которым стоит каменный «Талп» - подобие адыгейского стола на трех ножках, автором является сама природа». «Мощные столетние дубы, образующие круг, бросали густую тень на рощу грубого каменного алтаря, в середине которого возвышался старый деревянный крест, на каменной плите, заменяющей престол». (Азаматова, 1997 г., с. 68).

Очень интересные данные приводит польский офицер, служивший на стороне горцев на западном побережье. «Как адыги не имеют письменности, так не имеют они и памятников. Кроме каменных и деревянных крестов, я не видел в горах ничего, что могло бы дать представление о прошлом этого народа». «Еще много преданий и сказок о заколдованных горах, где злые духи охраняют большие клады ... Между Мезиб и Пшатом, в труднодоступных горах нагромождена такая масса камней, которые очень редко встречаются на земле. Особенно три камня имеют сказочную величину. Предание говорит, что под этими камнями похоронен старый король, со своими сокровищами, а его дух охраняет теперь клады и не допускает врага приблизиться к могиле. Я спросил, не раскапывали ли до сего времени этих мнимых могил ... Люди удивленно посмотрели на меня и заметили, что это невозможно из-за массы камней, которые их покрывают и такая попытка опасна и в другом отношении. Я, правда, велел взорвать на воздух один камень в надежде сделать какую-нибудь интересную находку. Но напрасно копали и искали, я потерял только время, труд и много пороку...». (Лагинский, 1995 г., с. 98, 100).

После заселения казачеством Западного Кавказа и Черноморского побережья древнейшими жителями этих территорий считали тех, «которые оставили после себя дольмены, ... Величина плит такова, что, по мнению жителей, обыкновенные люди не могли воздвигнуть таких странных и огромных построек, оттого, жители называют их «богатырскими». Никаких преданий не сохранилось об этих постройках ...» (Апостолов, 1897 г., с. 205).

«Связывая ... героические опозитивированные подвиги богатырей с действительными событиями, народу очень естественным казалось и возведение мегалитических сооружений богатырями. Такое сопоставление само собой напрашивалось ... при взгляде на эти мощные произведения человеческих рук. Но казаки придавали этому факту слишком одностороннее и рискованное освещение, считая богатырей не только строителями дольменов, но и их обитателями». (Щербина, 1910 г., с. 173).

Путеводитель начала XX века описывает дольмен — доисторическую каменную постройку сохраняющуюся в Джугубе. Автор считает, что «дольмен служил доисторическому человеку местом для жилья. Черкесы пользовались им для погребения ...». (Москвич, 1914 г., с. 358-359).

Последняя мысль появляется в мемуарной литературе, но не находит достоверных подтверждений в других источниках по истории края.

«На вчерашнем переходе встретили мы на кладбище черкесский памятник, сделанный склепом, внутри пустой; это стоило им большой работы, ибо сделано довольно аккуратно из цельных камней ... Он выстроен под горой, лазутчики говорят, что здесь похоронен храбрый из черкесов». (Грозова, 2000 г., с. 393).

Уже современным этнографам старики-шапсуги передавали о почитании в старину и принесении к дольменам жертвенной пищи. Абхазы, как и адыги, проявляли к дольменам благовоительное отношение, считая их могилами предков. Абхазское название «адамра» понималось в народе как «каменный домик». Адамра - место отдохновения (упокоения) души, «домик для душ». Характерное абхазское выражение гласит: «не заставляй мертвеца биться головой об адамра» (о каком-нибудь

недостойном поступке). (Инал-Ипа, 1976 г., с. 95).

Сегодня пришло новое время и наша задача изучить, понять и объяснить все происходящее и то, что мы знаем о мегалитических памятниках Западного Кавказа. Этим целям и служит настоящий сборник.

Статья В.А. Трифонова возвращает нас к историческим эпизодам исследования этих памятников, и впервые в нашей литературе автор демонстрирует историю терминов, всю сложность работы с памятниками. Но пафос статьи направлен на то, что они все и современные исследователи достигли успехов в их изучении.

Статья А.В. Дмитриева знакомит с западной территорией распространения дольменов. Александр Васильевич здесь родился и живет и его знания, впечатления, размышления о дольменах очень важны для читателей.

После смерти Мадина Тешева практически прекратились исследования дольменов вокруг Туапсе. Мы взяли на себя смелость опубликовать беседу с Мадинам как память об этом очень интересном человеке.

Статья О.Л. Куликовой и В.А. Трифонова затрагивает актуальнейшую тему — сохранение дольменов как нашего наследия. Статья впервые показывает необходимость защиты этих каменных исполинов и демонстрирует примеры музеефикации дольменов.

Завершает книгу статья В.А. Дмитриева, представляющая огромный интерес, так как автор предлагает использовать не издуманные методы познания мегалитических сооружений, а обыденные, практические, восходящие к народной метрологии.

Авторский коллектив благодарит всех, без труда которых появление в свет этого издания не было бы возможным.

Аркадию Бухову принадлежит прекрасная фраза (Бухов, 1987 г., с. 190-192) : « ... книги лучше людей. Их можно закопнуть и бросить. Ах, если бы можно было подходить к разным умным циникам и веселым тупицам и заплывать их, как книги, для того, чтобы втирнуть среди других книг в шкаф и забыть. Этого нельзя...Люди мало дают, но много требуют. Книжки дают много и требуют так мало: способность думать и чувствовать».

